

РАННИЕ 1900-Е Токио, Япония

Э тот ёкай* охотился в сгущающейся тьме, в тонком дыхании сумерек, соединяющих день и ночь. Он выползал из теней от ножек стульев на деревянном полу, из кривых отблесков ламп на обоях и даже из вашего собственного силуэта — единственной тени, от которой вам никогда не избавиться.

Но все эти тени были ненастоящими.

Это были дыры, ведущие в человеческий мир. Они глядели в бесконечную пустоту, эхом разносившуюся в ночи. Их тьма могла содрать с вас кожу, словно с мягкого летнего персика, заполнить в костный мозг и заставить вас гнить изнутри, пропитать землю вашей кровью. Ночь крадала те части вас, которые никому не были нужны: всю вашу ложь, все невыполненные обещания и все сожаления.

* В японском языке слово «ёкай» может обозначать практически всех сверхъестественных существ как самой японской культуры, так и заимствованных из европейской. Здесь и далее примечания переводчика.

Через эти дыры ёкай прогрызал себе путь все выше и выше, к яркому свету нового мира. А после обнажались ужасы, которые обычно скрывала завеса ночи, все то, что не было предназначено для ваших глаз. Челюсти ёкая распахивались, словно ворота, и начинался его пир.

Полиция всегда приезжала слишком поздно — спустя долгое время после того, как стихало эхо криков и кровь высыхала на полу темными пятнами. Они не могли найти никаких улик: ни взломанных дверей, ни отпечатков пальцев, ни случайно упавшего волоска — как будто никакого чудовища не существовало. Единственным сходством между смертями было то, как выглядели тела: грудная клетка вспорота и напоминает раскрытые книги, органы разбросаны по полу, но сердца среди них нет.

Люди взмолились богам, которые не могли вмешаться, даже если бы захотели; люди построили святилища добрым ёкаям и зажгли тысячу огней, чтобы изгнать тени. Но все это не имело значения, потому что это был вовсе не ёкай.

Это была я.

* * *

Я прибыла в Токио серой дождливой ночью с кинжалом и списком из сотни имен, с потрескавшимися и пересохшими от крови, которой я их омыла, губами. Я ненавижу дождливые дни, потому что облака рассеивали солнечный свет и тени блекли, заставляя меня большую часть пути идти пешком.

Сегодня должен был умереть человек, имени которого я даже не помнила. Мне было известно лишь, что он плавал на лодках, ходивших вверх-вниз по каналам Гиндзы. Лодки были полны опиума, контрабандой ввезенного

с Формозы, — преступление, которое даже люди покарали бы смертью.

Тиё, моя служанка, которая вела учет живых и мертвых, лично отобрала для сегодняшней казни его и еще девяносто девять человек, как делала это ежедневно. Каждое утро она вручала мне новый список, а каждый вечер я возвращалась с их душами в моем животе и с их кровью на кимоно.

Честно говоря, это не совсем то, чем должна заниматься богиня смерти.

Хотя в миг, когда я пронзила сердце своего жениха Хиро и унаследовала его королевство, я и не получила «Руководство божества смерти», я была абсолютно уверена, что не должна собирать души задолго до их Дня Смерти только ради того, чтобы стать сильнее. Это мои шинигами должны бродить среди живых, утаскивая души к берегам Ёми и пожирая их сердца вместо меня, чтобы каждая душа становилась еще одной каплей в темном море моей силы.

Именно этим на протяжении тысяч лет занималась Идзанами, моя предшественница. И именно это собирался проделать Хиро.

Так поступило бы любое благородное божество.

Но в украденном троне благородства нет.

Все равно мои шинигами без конца шептались, что я им не богиня, так почему бы мне не установить новые правила? Непроглядная тьма требовала платы, и десятилетнего потока душ было недостаточно. Если мои шинигами не могли принести мне больше, то я должна заняться этим сама.

По крайней мере, хороших людей в моем списке не было: туда попадали мужчины, задушившие своих жен,

или женщины, отравившие своих детей, или насильники, растлители и преступники, слишком умные, чтобы попасться полиции. Тиё тщательно проверяла информацию и оценивала ее со всей беспристрастностью, прежде чем представить мне список избранных, аккуратно разбросанных по всей Японии, чтобы люди никогда не смогли заметить какую-либо закономерность. Обычно Тиё без слов безошибочно угадывала, чего я хочу, но теперь я отдала один четкий приказ: в списке не должно быть невинных.

Не из доброты и не оттого, что я мнила себя судьей земным грешникам, или по какой-то иной, столь же благородной, причине. А потому, что однажды, когда я съем достаточно душ и стану сильной настолько, что смогу вернуть из непроглядной тьмы своего брата, мне придется взглянуть ему в глаза и объяснить, как именно я это сделала. Скажи я ему, что его жизнь была куплена кровью невинных, — и он скорее шагнет обратно в небытие и позволит чудовищам сожрать себя, чем примет такую жертву.

Так что это бремя за него понесу я, и он никогда не узнает, насколько оно тяжело.

Я растворилась в тени проехавшего мимо трамвая, позволив ему отнести меня ближе к Гиндзе вместе с запахом мокрого асфальта и смазочного масла. Сезон дождей еще не наступил, но, куда бы я ни пошла, мое присутствие часто затемняло небо, выжимая из облаков горячий туман.

Когда я проходила по улицам, люди напрягались и оглядывались, недоумевая, почему по коже внезапно побежали мурашки, отчего сердце забилось быстрее, а толпа вокруг вдруг обезличилась и городские шумы

поблекли до колючих фоновых помех. Люди могли чувствовать приближение Смерти, но для большинства это было не более чем мимолетным ощущением. В этот час улицы и так были почти пусты из-за изнуряющей летней жары, а когда я проскальзывала мимо, и без того немногочисленные прохожие и вовсе исчезали.

За десять лет, прошедших с тех пор как я прибыла в Японию, в здешних городах постепенно зазвучало эхо Лондона: тархтящие по дорогам трамваи с двигателями, приводимыми в действие ручным переключателем, железнодорожники в западных костюмах и в соломенных шляпах с плоской тульей и черными лентами, женщины с сумками из крокодиловой кожи. Моя прежняя жизнь следовала за мной, постепенно пересекая океан.

На многолюдных улицах Токио изменения казались заметнее, чем в крестьянских деревушках; и это была одна из причин, по которым я старалась избегать городов. Но лишь одна из них. В городах все кренилось, теряя равновесие, как будто люди случайно сдвинули Землю с ее оси. Все вокруг ненадежно отклонялось от зданий: яркие навесы над витринами, гирлянды фонарей, красочные афиши над театрами — и это делало переполненные улицы еще уже, сжимая небо над головой до тонкой белой полоски. Даже лотосы в центральном парке, казалось, клонились влево, игнорируя солнце.

Люди здесь, должно быть, чувствовали, кто я такая, но никто не смел взглянуть мне в глаза. Летняя жара создавала на горизонте влажную дымку, размывая дальние очертания улиц так, что все вдали казалось окутанным тайной, и от этого кружилась голова. Дети гоняли мяч по серым лужам, настолько мутным, что в них ничего не отражалось. Вокруг носились люди, таща за собой

дзинрикиси*, заставленные ящиками с рисом, глиняной посудой или контрабандой. Это был город загадок и возможностей, но не все из них оказывались хорошими.

Я спрыгнула с трамвая, ухватилась за тени под перекинувшимся через канал каменным мостом и оказалась по пояс в теплой коричневой воде. Вверх-вниз по спокойному течению гребли люди, неторопливо проплывали лодки, груженные секретами, спрятанными под черным брезентом. На причалах вдоль каналов никто не сидел: влажная духота гнала прочь.

В 8:34, согласно драгоценным часам из серебра и золота, прикрепленным цепочкой к одежде, под каменный мост на лодке заплыл мужчина с серым лицом и в зеленых перчатках.

Из-под моста ему уже не выплыть.

Я сжала часы в кулаке — и вся улица будто застыла.

Стих мягкий плеск волн, разбивавшихся о каменные преграды, воды замерли, превратившись в стекло. Смолкли крики уличных торговцев и тонкий комариный писк.

Я несколько раз обернула цепочку вокруг запястья, чтобы часы надежнее лежали в ладони, и забралась в лодку. Юбки тянули меня вниз, отяжелев от грязной воды.

Когда время остановилось, серолицый мужчина превратился в статую. В тени моста его кожа напоминала цветом необожженную глину, глаза казались красными, а зрачки — крохотными, точно проколы от булавок. От прикосновения моей руки к его горлу он очнулся.

* Дзинрикиси — рикша. Повозка с оглоблями, обычно двухколесная, которую тянет за собой человек, также называющийся рикшей. Особенно распространена на востоке и юге Азии.